

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Случай в поликлинике

Давнишняя история, но в памяти стоит до сих пор. Остро. Я был семнадцатилетним несмышлёнышем, учился на 1-м курсе. Девчонка у меня была, сокурсница. Тренировались мы с ней по семь раз на дню где только можно и нельзя. Раскочегарился я по полной, и тут она уезжает на летние каникулы в своё родное предгорье северного кавказского хребта. Остался я один в тоскливом созерцании своих не востребуемых возможностей. Сон потерял, а если спал, то снились кошмары вроде вышеупомянутого в предыдущем посте. Бабам-то я нравился, знаю. А что? Природа меня не обидела, в те годы я уже в мастерах играл в ленинградском «Буревестнике» (класс «А») нападающим, волейбол. А вот к женскому полу на улице подойти был не обучен. Слова вязли в глотке, и кроме чего-то похожего на му-му не выдавливалось. Друзья сочувственно предлагали изображать глухонемого калеку и обзавестись нагрудным плакатом оногo содержания (не секрет, бабы падки на инвалидов), но это не укладывалось в мои ранние этические представления. Институтские девки откровенно заигрывали со мной, но я боялся провокаций. Дорожил я своей подружкой, потом в итоге мы поженились. Не об этом сейчас. Со сном я мог потерять и место в команде, варёным х-р сыграешь. И пошёл я к нервному врачу на излечение. Сижу я в очереди, одни бабули вокруг, не на ком взор остановить. Неловко. С них, белых одуванчиков, что возьмёшь, а я, семнадцатилетний жеребец, уже нате, как и они, псих. Хоть беги вон. Тягостно.

Тут дверь шумно распаивается, и оттуда...

Мамма-миа! Вот это эксклюзив! Нет, Софи Лорен до неё далеко. Та на экране, а эта — вот, живьём, на расстоянии руки. Те же раскосые миндалевидно-серые глаза и узкий нос с лёгкой горбинкой, те же чёрно-рыжие волосы. Всё было тесно на этой супер-звезде. Блузка напрочь отказывалась вмещать переспелые дыни грудей, коричневые окружая сосков плотоядно бутрились сквозь прозрачную ткань. Юбка... она была готова лопнуть сама по себе и без моего взгляда. Я застыл, не в силах отвести взор и погасить охвативший пожар. Она бросила врачу какие-то последние раздражённые слова, равнодушно-брезгливо окинула взглядом очередь и задержалась на мгновение на мне. Я потерял дыхание.

Я уловил тень ободряющей улыбки (не может быть! показалось? да нет же, точно!), а она уже торопливо шла, скорее, бежала к лестнице на выход. Как чудесно подрагивали на её плечах разноцветные локоны, как были тесны на ней узкие трусики, откровенно выталкивающие тело сквозь тонкую ткань. Да разве существует такое бельё, что б целиком удержать в себе эти роскошные формы, тяжело переливающиеся под тщетно стерегущей их материей? Меня обдал ветер, напоённый какими-то неслыханными, ещё не изобретёнными духами, весенним берёзовым лесом, и я, не подчиняясь более разуму, встал.

Я смотрел вслед её быстро удаляющейся узкой спине, поразительно тонкой талии, точёным икрам, на одной из которых синело небольшое родимое пятнышко. Не отдавая отчёта, я двинулся вслед. Я забыл об очереди. Я шёл, пригнув голову, и жадно снюхивал в коридоре шлейф её запаха, как презренный кобель за охваченной течкою сукой, совершенно не представляя и не думая, что будет дальше. Она скрылась за какой-то, я не успел заметить, дверью, и я в растерянности остановился. Я оглянулся. Старухи насмешливо следили за мной. А какая-то визгливо крикнула, что меня вызывают.

О, как я завидовал этому тщедушному прыщавому пацану-невропатологу, руки которого ещё

источали её волшебные флюиды. И этот тип, несомненно, недавний троечник, направляет меня на процедуру под названием «циркульный душ».

Не буду утомлять читателя описанием этой установки пыток, надеюсь, всем она известна, скажу только, что я испытывал к ней чувство глубокого отвращения. Мало того, что мне каждый раз приходилось вытаскивать из-под дна этого самогонного аппарата деревянную подставку для лилипутов, а деревяшка без боя не сдавалась, так меддама пенсионного возраста в белом халате раздражённо проводила инструктаж, а я стоял задом к ней в нескромной позе, безнадёжно пытаюсь его исполнить. Потом справочно-вокзальным голосом она издавала команды вроде: «Больной не прикрывайтесь, здесь не баня, а я медработник. Не стойте неподвижно, поворачивайтесь...» и дальше что-то про активные точки. Знала бы она, что к тому периоду все они патологически опустились вниз живота, и чем это чревато. К счастью, окрики старухи, подобно ударам бича, охлаждали пытавшуюся взбунтоваться плоть. К тому же тесный предбанник при входе был общим с женщинами, и это являлось едва ли не самым тягостным испытанием. Мужиков я там ни разу не встретил, а эти морщинистые леди разглядывали меня в упор, чуть ли не в лорнет без всякого видимого стеснения как редкого по полу и годам экземпляра из разновидности homo sapiens, да нет, скорее как некую ископаемую рептилию. Иногда я слышал: «Посмотрите-ка на него, такой молоденький, совсем мальчик, а вот уже... что ж это нынче творится, куда катимся? Ай-я-яй...» Потом предбанник раздваивался, и я, психически облегченный, одиноко сидел в мужском бункере в ожидании сигнала на вход. Входить полагалось нагишом.

Стол старухи располагался боком напротив двери, и от него налево простиралась резиновая дорожка до вышеупомянутой машины пыток. Слава Богу, это была моя последняя процедура. Старуха высунула голову из дверей и визгливо крикнула: «Мужчины ещё есть? За вами не занимать!»

И вот раздались долгожданные фанфары финала — звонок на вход. Я толкнул дверь и перешагнул влажный порог. Лишь услышав окрик старухи: «Больной, я вас не вызывала!», я поднял глаза и увидел...

Спиной ко мне в считанных шагах стояла обнажённая женщина. То есть, абсолютно голая. Мало того, она безуспешно пыталась выполнить предназначенную мне неблагодарную работу — извлечь из-под ржавого железа ту самую проклятую подставку. Её тело перегнулось к полу, груди вздрагивали от безуспешных рывков. Дугой электросварки ослепило влажные ягодицы с узким треугольником нетронутой солнцем кожи, следы рыжей, аккуратно подстриженной бородки между ними, и то место, которое назначалось ей прикрыть, и ниже, точёные икры, знакомое родимое пятнышко.

Я зажмурился, а дальше как в тумане.

Женщина обернулась. Она удивлённо взглянула не меня снизу, ахнула, разогнулась, и быстро зашагала, да-да, навстречу, а куда ж ей было идти, как не на выход. Она прижимала вершины грудей, мраморная плоть которых предательски сочилась сквозь тонкие растопыренные пальцы с холёными ногтями, и я не представляя, что делать, куда деться, окаменел, закрыв ладонями сморщившийся от стыда жалкий орган, и не мог оторвать глаз от её тела. Она шла по узкой резиновой дорожке к дверям, не поднимая глаз, её ноздри раздувались, и в метре от меня она бросила в лицо такой гневно-испепеляющий взгляд, что я и так ничтожный, почувствовал себя законченным негодяем и в великом смятении отступил на холодный кафель пола. О, этот запах! Неимоверным усилием я удержал себя, чтобы не оглянуться.

И тут по спине хлестнул окрик старухи: «Куда вы прёте, больной, я вас не вызывала. Но раз влезли, не стойте, как истукан, проходите на процедуру!» Съёжившись и продолжая прикрывать срам, я встал под горячие струи. На подставку, которую она так и не успела вынуть. Сейчас мои пятки накрывают отпечатки её стоп, струи бьют в её самые активные точки, а они у меня кругом. Я закрыл глаза, уловил волшебные флюиды... наваждение, тело её рядом, я отчётливо вижу его в той самой зафиксированной взглядом позе. Издали сквозь пелену воды и свист форсунок я слышу привычные команды: «Больной, поворачивайтесь! Уберите руки! Не закрывайте активные зоны, сколько вам твердить одно и то же! Здесь не баня! В конце концов, я — медработник!» Эти фразы вдруг оборачиваются другим, извращённо-похотливым смыслом. Отлично, ты — медработник, я — психбольной. С таких вопроса нет, не обессудь, старая, если что не так.

Я полностью отдался ощущениям. Я явственно увидел перед собой огромные ягодицы, просвет между бёдер, и там... hot target. Струи меж тем врезались в бока, живот, пах. Не было сил и желания уклониться. Сладкие волны вздымались кверху, член распух и удлинился до неприличия. Я убрал руку, как требовала старуха. Я поворачивался, как она того желала. Интересно, если стянуть с этой карги халат и посадить на табурет. Вот так бы она предстала передо мной в чёрных кружевных подвязках с требовательно-игривым взглядом и раздвинутым алчущим входом. Я перестал сдерживаться, я даже не пытался укрыться от струй, напротив. Я подставлялся под их зудящие свёрла, я в забытьи не чувствовал стыда. Медленно разгоравшийся огонь, наконец, рывком охватил низ живота. Я знал, чем это всё закончится, но мне стало всё равно, будь, что будет. Кожа покрылась мурашками, спазмы-предвестники бились внизу, грозно предупреждая об исходе. Не оставалось сил властвовать над плотиной.

Вдруг струи ослабли и исчезли. Я услышал оттуда, из параллельного мира: «Больной, заберите процедурный лист». Я очнулся. Да, это был он, голос старухи, сдавленный, непривычно глухой. Она сидела в кресле, низко склонив голову, и что-то чертила на бумаге Я с трудом, как после тяжёлого сна, направился к ней. Слава Богу, она не поднимала глаз: налившийся до безобразных форм одеревеневший член раскачивался в стороны и, подстёгиваемый конвульсиями, подпрыгивал на ходу. Я не смел к нему прикоснуться, прикрыть, чтобы не вызвать непоправимое. Я протянул руку к груди листков на краю стола. Непослушные пальцы оттолкнули нужную справку, я потянулся за ней и невольно опёрся о спинку её кресла. А дальше...

Старуха резко повернулась и, издав хриплое «О-О», прильнула щекой к моему животу, а её ладонь... Я видел со стороны всю дикость происходящего, стыд и страх случайного свидетеля охватили меня. Я ощущал себя последним извращенцем, почти скотоложцем, и не мог, не в силах был сопротивляться. Я потерял контроль над собой, а с ним, пожалуй, и человеческий облик. Ногой я грубо распахнул её усохшие колени, она, сопя и с готовностью подалась, съехав на край сидения. Кулак упёрся в мокро ёрзающий лобок. Я торопливо рванул накрахмаленный лацкан халата, под ним почему-то почти не оказалось белья, сдавил огромную в фиолетовых прожилках грудь. А дальше вот за эти плохо крашенные седые волосы... лбом в стол... скорее...

Не успел. Мучительно-сладкая пауза, когда цепенеешь и ничто не подвластно, сковала мёртвыми обручами мышцы, жгучая зудящая волна прокатилась снизу по животу до плеч, охватила всё тело, плотина рухнула, и освобождённый поток, содрогая тело, тяжёлыми

толчками рванулся наружу. Я пытался отстраниться, но она, мотнув головой, требовательно удержала меня, и он булькал уже где-то там, в глубине её пищевода. Нос её почти упирался мне в живот, а я — что я? Я ничего не видел вокруг, только проволока волос в зажатых кулаках и снизу глухое мычание: «О-оо-О»

Давно это было, но помню в деталях до сих пор. Я потом очень боялся встретить её в поликлинике. Смешно, не правда ли?

E-mail автора: ana6186@yandex.ru